

ВАЛЕРИЙ СНАТКИН

НАЗАД В СССР
ФАРЦОВЩИК
ТОМ 2

Валерий Снаткин

Назад в СССР: Фарцовщик. Том 2

«Автор»

2026

Снаткин В.

Назад в СССР: Фарцовщик. Том 2 / В. Снаткин — «Автор», 2026

В 1978 году правила игры жесткие, но если ты топ-менеджер по логистике из 2026 года, плановая экономика СССР превращается в рынок безграничных возможностей. Я — Пашка Ивлев, и мелкая фарцовка осталась в прошлом. Теперь за моей спиной стоит мощный номенклатурный щит Ленгорисполкома, а в «Большом доме» на Литейном мне присвоили кодовое имя «Аудитор». Наш подпольный синдикат заходит в высшую лигу. В закрытом хабе в Зеленогорске мы запускаем то, чего советская молодежь еще не видела — первые полулегальные видеосалоны с японскими Sony Betamax и элитные дискотеки. Обороты растут до сотен тысяч рублей, а нашими клиентами становятся дети партийных боссов. Но ставки смертельно опасны. Обиженный валютчик Валик-Мордвин жаждет мести, а фанатичный капитан ОБХСС Громов готов пойти на самосуд, нарушив приказы начальства. Мне придется лавировать между интересами КГБ и жадностью чиновников. В этой игре на опережение у закупщика из будущего нет права на ошибку.

© Снаткин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Олимпийский дедлайн	5
Глава 1. Комсомольский стартап	7
Глава 2. Ликвидность высокого ранга	10
Глава 3. Бухгалтерия на грани фолла	12
Глава 4. Захват с поличным	14
Гл	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валерий Снаткин

Назад в СССР: Фарцовщик. Том 2

Пролог. Олимпийский дедлайн

Москва в октябре 1978 года утопала в холодном, сером мареве. Пронизывающий ветер гнал палую листву по брусчатке проспекта Маркса, швыряя тяжелые капли дождя в монументальные окна здания Главного управления материально-технического снабжения Госснаба СССР.

В просторном кабинете на четвертом этаже, несмотря на поздний час, горели все три хрустальные люстры. Воздух здесь был настолько плотным от табачного дыма, что, казалось, его можно было резать ножом. За огромным Т-образным дубовым столом сидели пятеро солидных мужчин в строгих номенклатурных костюмах. Напротив них, у огромной настенной карты строящихся олимпийских объектов, стоял бледный, взмыленный начальник Четвертого союзного главка снабжения.

— Товарищи, я повторяю: ситуация критическая, — мужчина судорожно сглотнул, указывая указкой на жирную красную точку в районе Ленинграда. — Международный олимпийский комитет выставил жесткое требование. Все закрытые зоны для проживания иностранных делегаций и судейских коллегий на Балтике должны быть оснащены по первому разряду звуковой и видеоаппаратуры. Скандинавские стандарты! Срок сдачи объектов Госкомиссии — через восемь месяцев. А у нас по линии внешнеторговых объединений... голый ноль!

Сидевший во главе стола заместитель министра, грузный мужчина с седыми зачесанными назад волосами, медленно затушил окурок сигареты «Герцеговина Флор» в массивной яшмовой пепельнице. Его тяжелый, номенклатурный взгляд заставил докладчика мгновенно замолчать.

— Что значит — ноль, товарищ Баранов? — тихо, но со свинцовой угрозой в голосе спросил замминистра. — Вам на закупку японских аудиосистем Sharp и видеомagneтофонов Sony были выделены целевые валютные фонды. Особый лимит Совета Министров! Куда ушла валюта?

— Валюта переведена, — Баранов вытер платком шею под тугим воротничком рубашки. — Но японская сторона задерживает отгрузку из-за санкционных ограничений на высокотехнологичное оборудование. Первая партия застряла на складах в Финляндии. Если мы не найдем способ протащить технику через Выборгскую таможню в обход официальных каналов Госторга, Ленинградский олимпийский хаб сорвет международные графики. А это, товарищи... это политический провал на мировом уровне.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Срыв Олимпиады-80 из-за отсутствия импортного оборудования пах уже не просто увольнением с волчьим билетом, а реальной скамьей подсудимых.

Замминистра медленно поднял трубку закрытого телефона спецсвязи «Вертушка» с гербом СССР на диске.

— Соедините меня с Ленинградом. С Большим домом на Литейном, — глухо приказал он оператору. Выдержав паузу, он продолжил уже в трубку: — Здравствуй, Седов. Скажи мне, майор, твои люди во Втором управлении по экономической безопасности по-прежнему контролируют выборгский транзит?... Мне нужен человек в Ленинграде. Не чиновник, не мент из ОБХСС, а гений логистики, который сможет перегрузить и спрятать олимпийские фонды прямо под носом у московских ревизоров. Срочно.

В это же самое время в Ленинграде, на четвертом этаже Большого дома на Литейном проспекте, майор КГБ Седов медленно опустил трубку «Вертушки» на рычаги. Он не спеша подошел к окну, за которым шумел ночной балтийский дождь, и прикурил сигарету.

На его рабочем столе, прямо под лампой, лежала свежая, еще пахнувшая типографской краской оперативная папка-скоросшиватель. На её обложке четким каллиграфическим почерком было выведено кодовое имя нового секретного агента Второго управления.

Папка была подписана лаконично и емко: **«Дело 78-О. Агент "Аудитор"»**.

Московский олимпийский дедлайн уже начал свой обратный отсчет.

Глава 1. Комсомольский старт

Субботнее утро в Зеленогорске выдалось пронзительно-свежим. Воздух, пропитанный йодистой солью Маркизовой лужи и хвоей вековых сосен, буквально звенел. Туман над Финским заливом медленно таял, открывая вид на пустынный песчаный пляж.

Павел стоял на крыльце павильона бывшей водолечебницы санатория «Солнечный берег», лениво потягивая обжигающий чай из эмалированной кружки. На нем были простые спортивные штаны с лампасами и старая куртка, но взгляд оставался ледяным и собранным. Прошлые сутки, проведенные в Большом доме на Литейном и в кабине грузовика, давали о себе знать легкой ломотой в теле, однако мозг Ивлева работал на максимальных оборотах розничного директора XXI века.

— Паш, ну ты посмотри на это! — из полумрака холла выскочил Колька Смирнов. Лицо у друга было серое от недосыпа, руки по локоть в пыли, но глаза горели фанатичным блеском. — Это же космический корабль, а не техника! Я заднюю панель вскрыл, а там... там платы, распайка — чистый шелк! Не то что наш воронежский «Электрон-714», где от одного запаха канифоли предохранители горят!

Колька бережно, словно святыню, вынес на свет массивный, сияющий хромом и черным пластиком двухкассетный видеомаягнитофон **Sony Betamax SL-8000E**. В комплекте к нему шел огромный, тяжелый импортный телевизор той же марки.

— Не суетись, Смирнов, — Павел отпил чаю. — Инструменты проверил? Трансформаторы понижающие для советской сети нашел? Японская техника на сто десять вольт рассчитана, если спалишь аппарат за две тысячи рублей, майор Седов нам новые транзисторы в Магадане выдавать будет.

— Да всё я сделал! — Колька обиженно шмыгнул носом. — Толик с судоремонтного притащил два армейских стабилизатора и медную жилу. Всё распаяли, экранировали. Экран выдает картинку — как в кинотеатре «Космос», только цвета еще сочнее!

Павел зашел внутрь просторного зала водолечебницы. Раньше здесь стояли ванны для гидромассажа, но сейчас помещение было полностью зачищено. Высокие дубовые двери, запертые на массивные задвижки, надежно отсекали павильон от внешнего мира. Окна Павел приказал наглухо заколотить изнутри плотной фанерой и задрапировать тяжелым советским бордовым бархатом, который Галина умудрилась «списать» со склада клуба института под предлогом подготовки к олимпийскому политинформационному лекторию.

На полу аккуратно, ровными рядами стояли деревянные скамейки, притасканные из закрытого летнего кинотеатра санатория. Всего получилось около сорока посадочных мест. Настоящий, первый в СССР подпольный видеосалон.

— Паша, я привезла документы! — в дверях появилась Галина Свиридова.

Несмотря на ранний час, она выглядела безупречно: строгая шерстяная юбка, кремовая блузка, а на лацкане пиджака гордо поблескивал комсомольский значок. Но стоило ей запереть за собой дверь, как строгая маска отличницы растаяла. Галя торопливо подбежала к Павлу и протянула ему синюю папку-скоросшиватель.

— Вот, смотри, — её голос слегка дрожал от волнения и близости к Павлу. — Официальное распоряжение Выборгского райкома ВЛКСМ. Наш институтский комитет комсомола утвердил программу «Экспериментальной лектория по изучению буржуазной массовой культуры как инструмента идеологического давления». Мы имеем полное право проводить здесь закрытые просмотры зарубежных киноматериалов для студентов-отличников и молодых специалистов Ленсовета. Подписи, печати — комар носа не подточит! Папа лично через свои каналы согласовал.

Павел взял документы, бегло просмотрев текст. Внутренний закупщик из 2026 года довольно усмехнулся. Использовать советскую комсомольскую бюрократию, чтобы легализовать показ запрещенного западного кино — это был высший пилотаж корпоративного управления.

— Отличная работа, Галочка, — Павел приобнял её за талию, улавливая тонкий, ставший уже родным аромат крема «Пани Валиевска». Галя на секунду прижалась к его плечу, прикрыв глаза. — Теперь по экономике. Сколько билетов распределили?

— Первые сорок штук ушли за два часа, — Галя открыла сумочку и достала увесистую пачку советских купюр — зеленые трешки, синие пятерки, красные десятки. — Я продавала строго через доверенных старост групп. Для простых студентов — по два рубля под видом взноса на олимпийский фонд. Для золотой молодежи из Ленсовета и детей профессуры — по три рубля. На вечерний сеанс. Деньги здесь — ровно сто десять рублей чистой предоплаты за один показ. И это только начало! Люди в очереди стоят, Паш!

— Сто десять рублей за час работы одного магнитофона, — Павел пересчитал купюры и убрал их в карман. — В условиях плановой экономики, где инженер получает сто тридцать рублей в месяц, наша маржинальность стремится к тысяче процентов. Колян! Заряжай первую кассету. Что там финны привезли с Выборга?

Колька с замиранием сердца достал из коробки тяжелую пластиковую кассету формата *Betamax*. На ней кривым почерком на английском было написано: «*Enter the Dragon. Bruce Lee. 1973*». «Выход дракона» с Брюсом Ли. Культовое кино, за просмотр которого в СССР можно было получить реальный срок, если бы не комсомольский билет Галины и негласное прикрытие майора Седова.

Колька нажал массивную клавишу «PLAY». Видеомагнитофон глухо заурчал, затягивая магнитную ленту. Огромный экран японского телевизора вспыхнул сочными, невероятно яркими цветами, выдавая ровную картинку без всяких помех. На экране под динамичную западную музыку появились первые титры кинокомпании *Warner Bros*.

— Мамочки... — прошептал Колька, завороченно глядя на экран. — Да за такое качество люди не три, они по пятерке отдавать будут...

— Будут, Коля. И по десятке будут, когда мы запустим ночные сеансы, — Павел подошел к выходу, прислушиваясь к звукам снаружи. — Наша задача — за эти выходные прокрутить здесь минимум пять смен. Нам нужен огромный объем наличных рублей, чтобы выкупить

у Михалыча следующую партию олимпийского импорта — кроссовки Adidas и дефицитную финскую сантехнику.

Павел вышел на крыльцо. На часах было около восьми утра. Первые зрители — золотая молодежь Ленинграда на отцовских «Жигулях» и «Волгах» — должны были прибыть в Зеленогорск к полудню. Всё было готово к первому коммерческому триумфу синдиката Валерия Снаткина.

Однако Павел еще не знал, что на Выборгском шоссе, всего в двадцати километрах от санатория, у обочины стоял неприметный серый «Москвич-2140». Внутри салона, прокуренного до желтизны, сидели двое. Капитан ОБХСС Громов, нарушив прямой приказ руководства, медленно протирал тряпкой стекло бинокля, а рядом с ним хмуро листал записную книжку валютчик Валик-Мордвин. Альянс закона и криминала шел по следу Павла, готовый нанести сокрушительный удар в самый разгар комсомольской премьеры.

Глава 2. Ликвидность высокого ранга

К полудню субботы сосновая аллея санатория «Солнечный берег» ожила. Тишину Зеленогорска нарушил благородный, сытый рокот моторов. Первыми к воротам подкатили новенькие, сверкающие свежим лаком «Жигули» третьей и шестой моделей, а следом за ними, солидно шурша шинами по гравию, въехала черная номенклатурная «Волга» ГАЗ-24.

Из машин повалила целевая аудитория — та самая «золотая молодежь» Ленинграда, ради которой Павел и разворачивал этот проект. Парни в югославских кожаных куртках и импортных вельветовых брюках, девушки в модных приталенных пальто, от которых веяло французскими духами *Magie Noire* и *Climat*. Для этих детей профессоров, директоров крупных баз и партийных работников Выборгского райкома поездка в закрытый загородный «лекторий» была главным приключением недели.

Галина Свиридова встречала гостей у входа в павильон бывшей водолечебницы. С комсомольским значком на лацкане и безупречной ведомостью в руках она выглядела как эталон строгости.

— Проходите, товарищи, не задерживайтесь в дверях, — ровным, уверенным голосом чеканила Галя, аккуратно забирая у прибывших входные билеты-наряды. — Поторопитесь, вводный доклад по буржуазной массовой культуре начинается ровно в двенадцать.

Под видом «доклада» мажоры Ленинграда шли на то, чего в обычном кинотеатре нельзя было увидеть ни за какие коврижки.

Павел наблюдал за процессом из глубины холла. Внутренний директор по ритейлу внутри него довольно фиксировал стопроцентную заполняемость зала. Все сорок мест на деревянных скамейках были заняты. Зрители перешептывались, с благоговением глядя на огромный, сияющий хромированными гранями импортный телевизор *Sony*, возвышавшийся на массивном столе.

В зале погас свет. Тяжелый бархатный занавес на окнах полностью отсек дневной свет, погрузив помещение в интригующий полумрак. Колька Смирнов с замиранием сердца нажал кнопку на видеомagnитофоне. Экран вспыхнул сочными, глубокими цветами. Когда под динамичную музыку на экране появился Брюс Ли, лихо закрутивший нунчаки, по залу про-

неся коллективный восхищенный выдох. В этот момент каждый из присутствующих мажоров понял, что отданные три рубля — это лучшая инвестиция в их жизни.

Пока в зале шел сеанс, Павел вышел на крыльцо, чтобы проконтролировать внешний периметр. Напряжение, выпестованное жестким бизнесом XXI века, требовало постоянной бдительности. Он медленно обвел взглядом пустынную аллею, ведущую к главным воротам.

Из сторожки наперерез ему быстрым, семенящим шагом направился Колька Смирнов, которого Павел оставил дежурить у въезда. Лицо Коли было бледным, а губы мелко подрагивали.

— Паш... Пашка, беда, — испуганно зашептал Коля, хватая Ивлева за рукав и увлекая за массивную каменную колонну крыльца. — Там... у старого деревянного забора, прямо за автобусной остановкой. Серый «Москвич-2140». Номера ленинградские, мятые.

Павел прищурился, вглядываясь сквозь сосновые ветки. — И что с ним не так, Смирнов? Мало ли кто в Зеленогорск на выходные приехал.

— Да не, Паш! Я подошел поближе, типа за сигаретами к ларьку. В салоне двое сидят. Один — Валик-Мордвин, я его по финскому пальто сразу срисовал. А за рулем... Паш, за рулем сам капитан Громов из ОБХСС! Они в бинокль на наши «Жигули» и «Волги» смотрят, которые у корпуса припаркованы. И Громов что-то в блокнот записывает. Нас срисовали, Паш! Менты и бандиты вместе... Нам хана, они сейчас облаву вызовут!

Павел медленно вытащил руки из карманов. Внутренний калькулятор рисков мгновенно перестроил схему. Альянс Громова и Мордвина пошел ва-банк. Капитан ОБХСС, ослепленный жадой мести за позор на вокзале, объединился с криминальным авторитетом, чтобы накрыть базу в Зеленогорске.

— Паниковать отставить, Колян, — ледяным, расчетливым тоном произнес Павел, и в его глазах зажегся опасный азартный огонек двойного агента. — Они не вызовут облаву прямо сейчас. У Громова нет официального приказа, он действует неофициально, на свой страх и риск. Он хочет взять нас с поличным прямо во время сеанса, чтобы номенклатурные бланки Свиридова не смогли нас прикрыть. Они ждут вечера, когда приедет вторая смена и денег станет больше.

Павел развернулся и решительно направился внутрь павильона, на ходу нащупывая в кармане куртки радиомаяк, выданный майором Седовым из КГБ. Ловушка, которую готовил Громов, должна была захлопнуться, но Павел собирался сделать так, чтобы в эту ловушку угодил сам капитан ОБХСС вместе со своим теневым поделником. Игра на опережение выходила на финишную прямую.

Глава 3. Бухгалтерия на грани фола

В кастелянской павильона водолечебницы пахло сушеной лавандой, сыростью и старыми шерстяными одеялами. Единственным источником света была тусклая лампа под эмалированным абажуром, свисавшая с высокого потолка на витом шнуре.

Галина Свиридова сидела за шатким деревянным столом, на котором высилась внушительная гора советских купюр. Её пальцы, аккуратно тронутые заграничным кремом, двигались с точностью счетной машины. Она раскладывала деньги по номиналу: отдельно зеленые трешки с изображением кремлевских башен, отдельно синие пятерки и тяжелые, хрустящие фиолетовые четвертные.

— Паша, это просто сумасшествие какое-то... — тихо, почти благоговейно прошептала Галя, не поднимая головы. — Третий сеанс закончился. Суммарно за сегодня — четыреста восемьдесят рублей. Это же... это же три месячные зарплаты моего папы в Горисполкоме! И люди до сих пор не расходятся, требуют ночной показ «Челюстей».

Павел стоял у заколоченного фанерой окна, осторожно глядя сквозь узкую щель в бархатной драпировке на темнеющую сосновую аллею. Внутренний директор по закупкам и логистике из 2026 года внутри него оставался абсолютно хладнокровным. Четыреста восемьдесят рублей — отличный кэш-флоу для старта, но операционные риски сейчас превышали все допустимые лимиты.

— Радоваться рано, Галочка, — Павел повернулся к ней, и его серые глаза в тусклом свете лампы показались жесткими, как сталь. — Громов и Мордвин всё еще там, на автобусной остановке. Серый «Москвич» не уехал. Капитан ОБХСС ждет, когда касса разбухнет до максимума, чтобы его неофициальный рейд выглядел в глазах прокуратуры как раскрытие подпольного синдиката века. Нам нужно спрятать ликвидность.

Павел подошел к столу, забрал пачку купюр, оставив на виду лишь скромные тридцать рублей — якобы официальные взносы комсомольского лектория. Остальные деньги он завернул в кусок плотного целлофана от упаковки телевизора Sony.

Пройдя в угол кастелянской, Павел присел на корточки. Шатким шпателем, который оставили строители, он аккуратно поддел одну из метлахских половых плиток — раствор под ней давно высох и раскрошился от сырости. Подняв тяжелый кусок керамики, Павел опустил плотный сверток с деньгами в сухую земляную нишу, после чего вернул плитку на место и слегка присыпал шов строительной пылью. Настоящий, надежный тайник.

— Смирнов! — негромко позвал Павел.

Дверь кастелянской приоткрылась, и внутрь проскользнул бледный, как больничная простыня, Коля. Шапка-петушок была зажата в его кулаке, а зубы мелко постукивали от страха перед неминуемой облавой.

— Паш... Ну чего там? — зашептал он. — Зрители с третьего сеанса уезжать не хотят, на заднем дворе курят, шумят. Если Громов сейчас пойдет на штурм — нас прямо с Брюсом Ли и повяжут!

— Колян, зубы сцепи, — осадил его Павел. — Доставай рацию. Точнее, тот блок, что я велел тебе держать наготове.

Павел вытащил из кармана куртки заветную черную коробочку с зеленым светодиодом — радиомаяк КГБ, выданный майором Седовым в Большом доме. Пришло время задействовать главный козырь. Блефовать перед Мордвиним можно было долго, но против официального пистолета ТТ в кармане Громова нужен был реальный противовес.

Павел щелкнул тумблером. Зеленый огонек сменился коротким, прерывистым красным миганием. Зашифрованный сигнал ушел на частоте Комитета. Где-то в районе Сестрорецка

или на Литейном дежурный офицер Второго управления КГБ уже зафиксировал координаты агента «Аудитора».

— Сигнал пошел, — Павел убрал прибор. — КГБ будет здесь максимум через сорок минут. Наша задача — удержать периметр и не дать Громову устроить самосуд раньше времени. Коля, марш в зал. Включай «Челюсти» для четвертой смены. Пусть думают, что у нас обычный плановый вечер.

Колька закивал и быстро выскочил из комнаты. Павел повернулся к Галине, которая смотрела на него с нескрываемым восхищением и легким страхом. Он подошел к ней, мягко положил руки на её плечи, успокаивая.

— Ты как, финансовый директор? Держишься?

— С тобой — держусь, Паш, — Галя прижалась лбом к его груди, вдыхая запах его кожаной куртки и дождя. — Но если папа узнает про КГБ...

— Твой отец получит свои фонды на финский кафель, Галочка. Я обещал.

Вдруг со стороны коридора, где находилось дальнее окно водолечебницы, выходящее на заброшенные хозяйственные постройки, раздался отчетливый, противный скрежет. Кто-то снаружи аккуратно, стараясь не шуметь, поддевал ножом старый оконный шпингалет.

Павел мгновенно отстранился от Галины. Его лицо превратилось в каменную маску. Ловушка Громова начала захлопываться раньше времени, но капитан ОБХСС решил послать вперед своего криминального подельника. Валик-Мордвин, ведомый жадностью и желанием перехватить кассу видеосалона до прихода милиции, шел на воровской взлом.

Павел зорко огляделся, его рука нащупала у стены тяжелую железную монтировку, оставленную Толиком. Он сделал Гале знак молчать, погасил настольную лампу, погрузив кастилянскую в абсолютную темноту, и бесшумной походкой хищника направился в темный коридор навстречу непрошеному ночному гостю.

Шпингалет с сухим щелчком поддался. Оконная рама со скрипом повернулась, впустив в душный коридор струю холодного зеленогорского воздуха. В проеме показался силуэт Валика-Мордвина. Валютчик, тяжело дыша, перекинул ногу через подоконник, даже не подозревая, что его первый самостоятельный рейд в розничную торговлю Павла сейчас закончится сокрушительным дефолтом.

Глава 4. Захват с поличным

Валик-Мордвин аккуратно опустил вторую ногу на обшарпанный паркет коридора. Из окна потянуло сырым балтийским ветром и запахом прелой хвои. Валютчик воровато огляделся, поправляя воротник своего дорогого финского пальто, и сделал два шага вперед, нащупывая в кармане тяжелый кастет. Теневой делец Ленинграда был уверен, что просчитал всё: пока сопливый студент крутит свои заграничные кассеты перед мажорами, он тихо зайдет с тыла, заберет дневную кассу и поставит наглого выскочку на колени еще до того, как Громов начнет свою официальную облаву.

Чего Мордвин точно не ожидал, так это того, что из густой, непроницаемой тени у кастелянской бесшумно вырос силуэт.

Павел действовал со скоростью и точностью профессионального кризис-менеджера. Перехватить инициативу, зафиксировать убытки противника. Тяжелая железная монтировка с глухим, страшным свистом рассекла воздух в сантиметре от носа валютчика, намертво врубившись в старую деревянную оконную раму. От неожиданности и ужаса Мордвин коротко хрипнул и отшатнулся обратно к подоконнику, потеряв опору.

В ту же секунду Павел сделал стремительный выпад вперед. Его левая рука железными тисками мертвой хваткой вцепилась в лацкан финского пальто Валика, рванув холеного дельца на себя. Монтировка в правой руке Ивлева уперлась острым концом прямо под подбородок Мордвина, заставляя того задрать голову до упора.

— Дернешься, Валентин, — и твоя логистика на этом закончится навсегда, — ледяным, смертельно спокойным шепотом произнес Павел, глядя в округлившиеся от дикого страха глаза валютчика. — Я же предупреждал тебя вчера в «Метрополе»: не лезь в высшую лигу. Здесь играют по другим правилам.

— Ивлев... Паш... Ты чё... — заикаясь и боясь шевельнуть челюстью, пробормотал Мордвин. Его хваленая блатная спесь испарилась за долю секунды под жестким, взрослым взглядом восемнадцатилетнего парня. — Ладно тебе... Я же просто поговорить... Про долю твою со Свиридовым...

— О долях будешь разговаривать со следователем в Большом доме, — отрезал Павел, не ослабляя хватки. — Ты думал, что Громов тебя прикроет? Капитан ОБХСС — фанатик, он тебя первого под расстрельную статью пустит как соучастника, чтобы звездочку на погоны получить. Вы оба — банкроты.

В этот самый момент из центрального зала водолечебницы, где шел четвертый сеанс, раздался оглушительный, панический девичий визг, моментально перекрывший грохот киношных «Челюстей».

Павел резко повернул голову. Из коридора было видно, как массивные парадные дубовые двери павильона со страшным, сокрушительным треском распахнулись от мощного удара снаружи. Затрещало расколотое дерево, полетели ржавые щеколды.

В ярко освещенный холл, сбивая с ног испуганного Кольку Смирнова, ворвались трое оперативников в штатском. А следом за ними, тяжело дыша и выставив вперед руку с вороненым, хищно поблескивающим пистолетом ТТ, размашисто шагнул капитан ОБХСС Громов. Его серый плащ развевался, а лицо было перекошено от безумного, торжествующего оскала сыщика, который наконец-то загнал своего главного врага в угол.

— Стоять! Всем оставаться на своих местах! Милиция! — Громов оглушительно загрохотал на весь павильон, целясь из пистолета прямо в бледных, повскакивавших со скамеек мажоров. Экран японского телевизора *Sony* продолжал сочно транслировать кадры зарубежного фильма, освещая синими отсветами ворвавшихся ментов. — Оперативники, к технике!

Фиксируйте вещдоки! Аппаратуру под опись! Гражданин Ивлев, выходи, мразь спекулянтская! Твой комсомольский цирк закрыт! Ты арестован!

Громов бешено озирался, ища глазами Павла, и его палец уже медленно натягивал спусковой крючок пистолета. Ловушка захлопнулась. До приезда спецназа КГБ по сигналу радиомаяка оставалось еще минимум двадцать минут, а безумный капитан ОБХСС с оружием в руках уже стоял посреди подпольного видеосалона.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.